

• ИРИНА •

ПЛЕБОВА

ВЫСТРЕЛ В МАНСАРДЕ

ИНТЕРЕСНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Следователь Викентий Петрусенко

Ирина Глебова

Выстрел в мансарде

«Автор»

2012

Глебова И. Н.

Выстрел в мансарде / И. Н. Глебова — «Автор»,
2012 — (Следователь Викентий Петрусенко)

За опасное расследование берется приемный сын Викентия Петрусенко Митя Кандауров. Ему предстоит вывести на чистую воду хитрого немецкого шпиона, который в 1915 году стал причиной поистине шекспировских страстей, развернувшихся в тихом городе Харькове...

© Глебова И. Н., 2012

© Автор, 2012

Содержание

1	6
2	8
3	11
4	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Ирина Глебова Выстрел в мансарде

Следователь полицейского департамента и потомственный дворянин Викентий Петрусенко ни в чем не уступает всемирно знаменитым «литературным» сыщикам – Шерлоку Холмсу и Эркюлю Пуаро! Он молод, энергичен, образован. Разговаривает на древних языках, и ни одна тайна не останется тайной, если попадет к нему в дело. Он давно работал бы частным детективом, но служба государству – долг чести. Рискую жизнью, сходясь с опасными преступниками и вступая с ними в психологический поединок, он никогда не забывает о своей семье – жене и троих детях. Викентий Петрусенко – новый герой увлекательной серии «Интересный детектив»! С ним вы узнаете много удивительного из мира криминалистики конца XIX – начала XX века и поймете, какой разносторонней и притягательной личностью мог быть полицейский сто с лишним лет тому назад!

1

Дмитрий Кандауров, молодой человек двадцати двух лет, шел через Театральную площадь, приподняв воротник форменной студенческой куртки и слегка поеживаясь. В шесть часов пополудни жара уже спала, но вечерняя прохлада еще не дохнула на разморенные улицы. И все же Дмитрия слегка знобило – сладковато-бредовое предощущение близкой болезни. «Все-таки перекупался!» – думал он, вспоминая городской пляж, где вчера он с товарищами практически весь день просидел в воде. Сейчас, в предгриппозном состоянии, Дмитрия раздражало многое из того, на что он обычно не обращал внимания. Например, объявления с кричащими восклицательными знаками, призывающие не болтать лишнего, поскольку враг все время на чеку. Эти объявления еще полгода назад, в конце 15-го года, появились везде: в ресторациях, кофейнях, на улицах, в вагонах поездов... «Чушь какая! – морщился он. – Что за секреты здесь, у нас, важные для фронта!»

Впрочем, несмотря на здоровую долю скептицизма, он был патриотом. На фронт их, студентов-юристов, не брали, но став вольноопределяющимся, Дмитрий готов был отбыть на передовую по первому приказу. В нем так жива была еще память о первых днях начала войны. В те июльские дни все, буквально все, кого Дмитрий знал, были охвачены возбуждением. Странное это было чувство, в нем смешивались гнев на наглые требования Германии, патриотизм, восторг перед будущими победами, тревога и предощущение будущих потерь... Что-то великое, напоминавшее двенадцатый год, чувствовалось во всем, начиная с торжественного обещания императора Николая Александровича не заключать мира, пока хоть один вооруженный неприятель останется на русской земле.

Страна дружно откликнулась на эти слова царя. Призыв шел по всей России. Главное управление Генерального штаба, принимая во внимание напряженную обстановку, считало, что под ружье встанет около 80 процентов запасных. Явилось 95 процентов, а также много добровольцев. Нападение внешнего врага как бы разрядило напряженную внутреннюю обстановку. Мобилизация протекала блестяще, в обществе настроение было приподнятое, на грани эйфории. Все горело желанием заступиться за братскую Сербию. Вчерашние космополиты оказались вдруг яркими националистами. Жаль только, что часто брал верх необузданный, безрассудный шовинизм, истерическая ярость против всего «немецкого». Некоторые даже фамилию меняли, если она звучала слишком «по-немецки». Одновременно с этим по всей стране началась охота на «немецких шпионов» – зачастую травля ни в чем не повинных людей. С помощью услужливой печати, которой вдруг всюду стали мерещиться переодетые прусские ротмистры, серьезное и всенародное дело защиты Родины превращалось в уголовный роман. Дмитрий, будущий юрист, очень хорошо ощущал нелепость этой шпиономании. Потому, видимо, и не верил в то, что и вправду «противник всюду».

Недавно вместе с двоюродным братом Сашей Петрусенко Дмитрий побывал в военном лазарете. Дядя, немалый чин в полицейском департаменте, рассказал, что нынче в лазарете поправляется после ранения геройский парень, разведчик, их ровесник. И ребята навестили его, познакомились. Коля Кожевников оказался интереснейшим человеком, приветливым и простым. Дмитрий помнил, как перед войной одна американская газета учредила крупную премию тому, кто пешком обойдет весь свет, без копейки денег, зарабатывая лишь продажей фотографий. И что один сибиряк восемнадцати лет в это кругосветное путешествие отправился. Николай Кожевников был тем самым юношей. Он обошел полсвета, и август 14-го застал его в Австралии. Узнав о начале войны, парень прервал путешествие, решив ехать в Россию. Удалось найти русского консула, тот отправил его на пароходе в Японию, оттуда – в Россию. Из Сибири с одним из воинских эшелонов Николай попал на фронт – в Галицию, был зачислен в команду разведчиков. Проведя полтора года на передовых позициях, он заслужил два Святых

Георгия и производство в офицерский чин. Пули обходили его, но однажды в разведке он все же был ранен...

Сегодня Дмитрий уже сам заскочил к Николаю, принес тому своего любимого Фенимора Купера. Коля прошлый раз попросил: «Дай почитать что-нибудь американское. Я после войны все равно доберусь в Америку!» Посидели немного, поболтали, словно знали друг друга с детства. Но потом Дмитрий почувствовал, что его знобит, и поспешил уйти, чтоб не заразить раненого. Теперь, поднимаясь по лестнице вверх, к себе, он думал: «Надо бы какого-нибудь лекарства проглотить, а то и впрямь разболеюсь».

Он снимал комнату в большом пятиэтажном доме Фраермана на центральной улице города – Сумской. С детства оставшись без родителей, он жил как родной в доме у дяди, воспитывался со своими двоюродными братом и сестрой. Но когда стал студентом, решил быть самостоятельным. Дядя не возражал, сам подыскал ему хорошую комнату недалеко от своего дома.

Комната в мансарде была по душе Дмитрию, а вскоре у него появилась и приятная соседка. Чуть поболее года назад вторую квартиру в мансарде сняла скромная девушка Евгения Радзиевская. Была она на год помоложе Дмитрия, мила, интеллигентна, говорила с небольшим акцентом. И когда он, поборов первоначальную робость, познакомился с ней, то узнал, что Женя наполовину полячка и что она бежала из Лодзи, где фронт был угрожающе близок и где она трагически лишилась родителей. Недолгое время девушка жила на пособие для беженцев, но почти сразу стала искать работу и вскоре устроилась в отдел статистики Южной железной дороги. Иногда вечерами она просто, по-соседски, приглашала его почаевничать. Дмитрий был рад этому и почти сразу понял, что у девушки хорошее образование. Он сам ей посоветовал поступить на Высшие женские курсы. «Я тоже об этом думала, – призналась Женя, – и уже готовлюсь».

Да, Дмитрий совсем было влюбился в свою соседку, но тут все быстро оборвалось. У Жени появился жених. Откуда он взялся – бог весть. Хотя Женечка однажды, словно оправдываясь, сказала ему, что Александр по делам своей службы часто бывает в их отделе. Конечно, Дмитрию этот тип не нравился. Был он лет на десять его старше, тоже вольноопределяющийся, однако носил форму и имел чин поручика, поскольку служил в военном таможенном ведомстве. Впрочем, поручик был хорош собой, тут Дмитрий отдавал ему должное: невысокий, но крепкий и гибкий, смуглый, с властным взглядом, белозубой улыбкой и мощным рукопожатием. С тоненькой, белокурой и голубоглазой Женей они смотрелись очень хорошо. Однако Дмитрий внутренне сжимался и испытывал неловкость от развязного тона «жениха», его бесцеремонных манер. В такие минуты он старался не смотреть на Женю: казалось, ей тоже не по себе.

Вечерние чаепития прекратились, однако взаимная симпатия и дружба между молодыми соседями осталась. Встречаясь, они надолго останавливались поболтать, иногда Дмитрий по утрам доводил Женю до работы и шел дальше в академию. Именно к нему первому прибежала девушка в слезах, когда случилось у них в отделе ужасное происшествие...

2

В тот самый момент, как только Дмитрий подумал об этом недавнем происшествии – бессмысленном и жестоком убийстве, – он и услышал громкий хлопок. Время военное, звук выстрела был знаком и вообще не казался диковинкой. Но здесь, в доме, в мансарде, где располагались только две квартиры – его и Женина... С колотящимся сердцем он проскочил последний пролет лестницы, с силой дернул двери квартиры своей соседки и еще раз, теперь уже уперев ногу о косяк... Сколько раз говорил он Жене, что у нее хлипкий замок и что дверь ее можно открыть без труда. А она отшучивалась: «С таким соседом мне ничего не страшно!» И вот теперь от второго рывка дверь распахнулась, и он увидел... Напротив, в дверях соседней комнаты, какой-то встрепанный, ошарашенный поручик – без кителя, с расстегнутым воротом рубахи. А посередине – Женя с пистолетом в руке. В комнате витает горьковатый дымок. Девушка оглядывается, смотрит прямо на него, ее губы что-то шепчут. Поручик бросается к ней, протянув руку, но она еще быстрее направляет ствол пистолета себе в грудь. Выстрел отбрасывает ее к стене, поручик отшатывается, а застывший на месте Дмитрий видит все так, словно время замедлило ход: Женя, запрокинув голову, подогнув ноги, падает, из разжавшихся пальцев выпадает и гулко ударяется о пол пистолет, а рядом, словно планируя, тоже опускается на пол белый газетный листок. Нелепая и посторонняя мысль первой приходит в голову: «Откуда газета? Она ее в руке держала?..» И лишь мгновением позже, словно очнувшись, Дмитрий бросается к девушке. Поручик, на миг его опередивший, стоит над ней на коленях, пытаясь как-то зажать рану.

– Скорее доктора! – кричит он молодому человеку.

– Да, да. – С жестокой тоской Дмитрий смотрит в стекленеющие глаза девушки, понимая, что она мертва. Не думая, что и зачем он делает, только лишь чтобы заглушить ужас, он наклоняется и поднимает газету.

Поручик делает к нему движение, словно хочет оттолкнуть. Да, верно, нужно бежать за врачом, а вдруг какое-то чудо может помочь... Но по лестнице уже гремят шаги – это спешат соседи с нижних этажей, встревоженные шумом и выстрелами...

Через полчаса карета «Скорой помощи» увезла мертвую девушку, а сурового вида сыскной следователь допрашивал двух молодых людей. Показания их дополняли друг друга, а в главном совпадали – Евгения стреляла сама в себя. Поручик рассказал, как пришел к невесте часов в пять вечера, зная, что она уже вернулась с работы. Он намеревался пригласить ее погулять, но, выпив чашку чаю, почувствовал, что веки тяжелеют. Накануне у него выдалось два утомительных дня, много работы и практически бессонная ночь. Вот он и попросил у девушки разрешения прилечь, отдохнуть в соседней комнате. Задремал и не сразу сообразил, когда услышал первый выстрел, в чем дело. Выбежал из спальни в залу... Женя стояла спиной к нему. Видимо, она уже раз выстрелила, но промахнулась то ли по неопытности, то ли от ужаса, и пуля ушла вбок. Обернувшись на шум, она закричала поручику: «Нет, не подходи, я так хочу!..» Пистолет плясал у нее в руке, и поручик, чтобы не спровоцировать непоправимое, стал что-то говорить, уговаривать. Но в это время затрещала дверь, на пороге появился Дмитрий... Что было дальше, видел уже и он.

Да, Дмитрий рассказал и о первом услышанном им выстреле, и о втором, роковом. В тот момент он, растерянный и расстроенный, и не думал, что им могут не поверить, а заподозрить, например, их двоих в сговоре и убийстве. Но невиновность Дмитрия засвидетельствовала пожилая супружеская пара Войтюковых, которая проживала этажом ниже. Вот что господин Войтюков поведал следователю:

– Мы с женой собирались на юбилей моего кузена. Коляска и сейчас еще стоит у входа. Полчаса тому мы вышли из квартиры, стали спускаться вниз. Господин Кандауров поднимался

навстречу. Это вежливый и приятный юноша, мы, как всегда, раскланялись. Но не успели и двух шагов сделать, как раздался странный звук. Я не понял, что это, но оттого, что господин Кандауров быстро побежал вверх и стал сильно дергать дверь, мне стало тревожно. Супруга схватила меня за руку и вскричала: «Стреляют!» А когда сверху опять выстрелили и громко заговорили, я тоже поспешил туда, хотя жена и удерживала...

Пистолет, из которого застрелилась девушка, лежал на столе. Следователь взял его, проверил обойму без двух пуль, спросил:

– Откуда оружие?

И посмотрел на поручика. Тот удрученно кивнул:

– Да, моя вина. Китель и кобуру снял здесь, когда еще пили чай. Потом пошел отдохнуть и забыл, оставил на стуле. Да и кто бы мог предположить такое! – Он застонал и схватился за голову.

Следователь наконец прекратил вышагивать от стены к стене, сел на диван, пригласил:

– Присаживайтесь, господа.

Дмитрий опустился рядом с ним, поручик пристроился напротив на стуле. Раскрыв портсигар, следователь протянул его свидетелям, но они оба отказались. Тогда, закулив сам, он щелкнул крышечкой миниатюрной пепельницы, вправленной в портсигар, стряхнул туда пепел. Поплывшее над ним облачко дыма напомнило Дмитрию другое, пахнущее порохом, которое он увидел над Женей за миг до ее выстрела. Следователь откинулся на спинку дивана, раздумывая, потом кивнул Дмитрию:

– Я не сразу признал вас, господин Кандауров, вы ведь племянник Викентия Павловича Петрусенко?

– Да, господин Никонов. – Дмитрию было немного неловко. Он-то следователя узнал сразу: встречались и в кабинете дяди, и вообще в коридорах полицейской управы. Но сам напомнить об этом постеснялся, посчитал, что будет не к месту. А вот теперь оказался вроде бы в лучшем, более выгодном положении, чем поручик. Правда, и тому ничего не грозило: показания Дмитрия, то, что он видел своими глазами, снимали всякие подозрения. Следователь, тоном уже более мягким и раздумчивым, спросил:

– Как вы думаете, отчего она могла так поступить? Ведь молодая, красивая девушка. И личная жизнь вроде бы устраивалась.

Он искоса глянул на поручика. Тот, с силой сжав переплетенные пальцы, кивнул:

– Да, я замечал, что она последнее время очень угнетена. Стала нервной, пугливой. Но тут загадки не было: своими глазами увидеть убийство... Не каждый мужчина сможет такое выдержать, а она такая хрупкая, впечатлительная...

– О чем вы, что за убийство?

– Зинаида Калугина, – быстро сказал Дмитрий, – была ее подругой. Работали вместе, в одной комнате.

– Во-от как, – протянул следователь, кивая головой. – Это нашумевшее дело... Теперь припоминаю: Евгения Радзиевская проходила свидетелем.

– Это было ужасно! – воскликнул поручик. – Мерзавец убил Зину у Женечки на глазах. Она потеряла сознание. А потом я за ней несколько дней как за маленьким ребенком ходил – так она была слаба от потрясения. Но я не сомневался, что все забудется со временем, сгладится. Две недели прошло, казалось, она уже приходит в себя. И вот – что за несчастье?

– Да, кое-что проясняется. – Следователь встал. – Ну, что ж, господа, я думаю, дело это ясное, факт самоубийства налицо, но встретиться нам еще придется. А теперь надо уведомить родственников погибшей.

– У нее нет родственников, она беженка, семья погибла под Лодзью. Может, кто-то из дальних, но я их не знаю, – развел руками поручик.

– Коли так, похороним за счет городской управы.

– Нет!

– Что вы!

– Как можно!

Поручик и Дмитрий воскликнули одновременно и переглянулись. Потом поручик сказал:

– Мы собирались пожениться. Я все сделаю как надо.

Дмитрий с некоторой неловкостью добавил:

– Мы дружны были, и я, и другие соседи очень сочувственно к ней относились. Мы все поможем.

...Ночью Дмитрий не спал, его лихорадило. Нет, ту простудную хворь от всего пережитого словно огнем выжгло. Эта дрожь была иная. С тоской и обидой он думал о своем сопернике: «Жених, называется! Не мог спасти девушку! Видел, в каком она состоянии... Я бы ни на миг ее не оставил...»

Он понимал, что не прав, что поручик человек военный, у него служба, но все равно не мог быть к нему справедливым. Все время вспоминал, как увидел того перед Женей за миг до выстрела: встрепанного, сонного. И вновь со злостью упрекал: «Заснул, пистолет оставил! Тут уж заранее можно предугадать, что она сделает!»

И откуда взялся этот жених так внезапно? Он сам ведь нравился девушке, да, в этом Дмитрий не ошибался. И вдруг как с неба свалился бравый поручик. Правда, девушки мрут от восторга при виде военных, но Женя была не такая. Хотя... Однажды Дмитрий услышал о поручике, и услышал как раз от несчастной Зиновки Калугиной.

Женя и Зина познакомились на работе, очень быстро подружились, хотя и были совсем разными по характеру. Женя спокойна, сдержанна, застенчива, а черноглазая, по моде коротко стриженная Зиновка – насмешлива, бойка, громкоголоса. Она забежала к подруге в мансарду, и раза четыре Дмитрий чаевничал вечерами вместе с обеими девушками. Острая на язык, Зина подшучивала над Дмитрием, правда, не зло, кокетничала с ним, но тоже без всяких видов, по привычке. И довольно часто переводила разговоры на кавалеров. Вот тогда-то и услышал Дмитрий от нее о красавце Александре, который: «Смотрите, Митя, уведет у вас Женечку!» Но если о Жене был разговор единожды, то о своих ухажерах Зиновка болтала постоянно. В том числе и о смешном увальне Усове, который так жутко сопит от страсти, когда глядит в ее сторону... Как она весело смеялась, представляя этого безнадежно влюбленного, и как страшно все окончилось!

Как страшно окончилось... В конце концов Дмитрий заснул, но, проснувшись среди ночи, почувствовал, что щеку холодит влажная подушка, и понял, что плакал во сне.

3

Первые подозрения пришли к нему через два дня, во время похорон. Могилу вырыли в глубине кладбища, у ограды, вся церемония проходила в скорбной печали. Гроб последние минуты стоял открытым у разверстой ямы, из которой тянуло сырым запахом земли. Прощаться с Женей пришли ее сослуживцы и соседи.

Дмитрий стоял чуть сбоку, под тонким деревом рябины, смотрел на прозрачный профиль девушки, на скорбные лица людей. Поручик, суровый, в наглухо застегнутом мундире, с черной повязкой на рукаве, первым наклонился к гробу, прощаясь. Дмитрия передернуло. Движение офицера, его поза показались такими картинными, рассчитанными на зрителя, словно он играл роль в театре. И в этот момент Дмитрий вспомнил другую сцену.

Две недели назад, на этом же кладбище, ближе к входу, похоронили другую молодую девушку, тоже трагически погибшую. Хоть и немного, но он все же знал Зину Калугину, потому и пришел проводить ее. В тот раз на кладбище народу было гораздо больше – многие горожане, взбудораженные убийством, собрались здесь, кто из сочувствия к жертве, кто из любопытства. Родители, родственники, близкие друзья стояли вот так же, у могилы, у не закрытого еще гроба. Среди них были и Женя с Александром. Как и сейчас, так и тогда подошло время прощаться, раздались рыдания. Дмитрий, как и нынче, стоял в стороне, как и нынче, смотрел на Женю – живую тогда. Видел, как поручик наклонился, сказав ей что-то и сжав локоть. И как девушка рванулась от него в сторону, с перекошенным лицом, закушенными губами. Но он удержал ее, вновь что-то сказал. Она дышала глубоко, с дрожью, не отвечала ему, а через миг заплакала, зарыдала, и тогда он обнял ее за плечи, прижал к себе, стал гладить по голове... Дмитрий отвел взгляд.

Медленно подходя вслед за другими к гробу с Женей, молодой человек не спускал глаз с офицера. Тот уже стоял в стороне, склонив голову. И Дмитрий вдруг подумал: «А ведь Женя словно хотела что-то крикнуть, а он ей не дал». Тогда, на похоронах Зины, он не задумывался об увиденном, ее порыв показался естественным проявлением горя. Но сейчас, на других похоронах, уже самой Жени, виденное озарилось иным светом. Дмитрий вспомнил ее лицо: страх, смятение, омерзение – которое из этих чувств исказило тогда Женины черты или одновременно все? Но почему? Может, он ей о покойной что-то сказал нехорошее? Среди военных нынче много циников... И тут же Дмитрий представил другую картину: Женя с пистолетом в руке, а напротив нее, в проеме двери, поручик. Они стоят лицом друг к другу. И след первой пули там, в стене, совсем недалеко от двери...

Ужинал Дмитрий у дяди. Он был лихорадочно возбужден, невпопад отвечал брату и сестре. Людмила Илларионовна, жена дяди, ласково погладила его по голове: она знала, что несчастная девушка-самоубийца нравилась племяннику. И, уводя после ужина дочку, она еще раз наклонилась к Дмитрию и шепнула сочувственно: «Что поделаешь, Митенька, такая ее, видно, была судьба». Кузен Саша, гимназист-старшеклассник, поначалу обиделся на брата, но когда Дмитрий сказал, что останется у них ночевать, тут же все забыл и помчался перетаскивать походную раскладную кровать в Митину комнату. В те недавние времена, когда Дмитрий жил в доме Петрусенко, он был для Саши и любимым братом, и лучшим другом, и самым большим авторитетом. И хотя у каждого из них была здесь своя комната, Саша чуть ли ни каждый вечер выпрашивал у матери разрешения ночевать «у Митеньки». Они оба любили долгие беседы при включенном ночнике, пока не приходила тетя и не стучала легонько в дверь: «Мальчишки, спать, спать...» Теперь Саша очень скучал без старшего брата, и каждый его приход становился для мальчика праздником. А уж если Митя и ночевать останется!..

Тем временем Дмитрий вслед за дядей перешел в кабинет. Викентий Павлович стал набивать табаком трубочку, Дмитрий же, не мешкая, приступил к расспросам. Как идет следствие, что установлено, какие выводы?

– Ничего такого, чего бы ты не знал, – дядя пожал плечами. – Самоубийство на почве нервного срыва и сильных личных переживаний... Какие у тебя сомнения? Ты же сам все видел.

– Видел, да, в себя стреляла. Но почему?

– Бог мой, Митя! Что ж тут непонятного? И года нет, как девушка потеряла родителей. И двух недель не прошло, как на ее глазах убили подругу. А время сейчас какое!.. Все рушится, привычная жизнь летит в тартарары! Никто не уверен в завтрашнем дне. Такая страшная волна накатывает – всех накроет...

Викентий Павлович наконец раскурил трубку и, прищурившись, словно всматриваясь в надвигающееся будущее, попыхивал ею. Плыл аромат прекрасного турецкого табака, и начальник губернского полицейского управления господин Петрусенко от души наслаждался этим вечерним уютом. Вот уже два года, как Викентий Павлович возглавлял губернский сыск. Прежний полицмейстер был уже стар, его с почестями проводили в отставку. А сорокаоднолетний следователь по особо опасным преступлениям Петрусенко получил новое назначение. Да, теперь ему почти не приходилось самому вести активный поиск, следствие – только в исключительных случаях. Но теперь он держал в руках нити многих дел, корректировал, подсказывал, направлял действия других следователей. Учил. Работы было очень много – время такое, как сказал он своему племяннику, – волна катит и вправду штормовая, девятибалльная.

– Да, мой милый, – сказал он грустно. – Сломалась девушка. Да разве она одна! Ох, знал бы ты, сколько нынче самоубийств среди молодежи! Как перед концом света. На моей памяти такого не бывало. Да вот, вчера же утром, в восемь часов городской, проходя через университетский сад, увидел юношу и девушку. Она лежала на скамейке, он – рядом на земле. Отравились серной кислотой! Причем она была еще жива, но до больницы не дотянула, скончалась.

– Верно, дядя, верно. Но меня все мучает сомнение... Когда я дверь открыл... ну... тогда... она стояла лицом к нему, поручику. И пуля первая в стене, в той же стороне оказалась.

Петрусенко пожал плечами:

– По его версии, сначала она была к нему спиной, повернулась уже после неудачного выстрела в себя.

– Но ведь он может и лгать!

– Может, – согласился вдруг Викентий Павлович. – У нее, кстати, была причина стрелять в этого бравого поручика... Э-э, да ты побледнел, братец. Верно, я тебя обманул, когда сказал, что ничего для тебя неизвестного в следствии нет. Один штришок все же выискался.

– Не тани, дядя! Что это?

– Да ничего особенного. Просто поручик Реутов имел любовницу. А каково такой девушке, как Радзиевская, узнать, что ее жених, который с ней скромен и нежен, имеет вульгарную плотскую связь... Вот тебе повод, и чтоб в него стрелять, и чтоб самой застрелиться. Как говорится, последняя капля. Est mobus in rebus. Всему есть мера...

– А она что, узнала об этом?

– Это нам неизвестно, можем лишь предполагать.

Дмитрий вскочил, пробежался по комнате.

– Любовница! Собираясь жениться на Женечке! Какой подлец! А может, он обманывал ее, вовсе не собирався жениться... Да, дядя, а кто же та женщина, откуда ты знаешь?

Из гостиной донесся бой часов. Викентий Павлович сосчитал удары.

– Поздно уже, Митенька, – сказал. – Пора идти отдыхать, Саша уж тебя заждался... А насчет того, откуда знаем, – так служба такая. Хотя дело и закрыто, поскольку чистое самоубийство и причин достаточно, все же кое-что мы подобрали. У поручика любовница – меди-

цинская сестра из военного лазарета. Галина Акимчук, приятная молодая женщина, хорошие отзывы о ней.

– Из лазарета? – Митя закусил губу, задумавшись. Дядя пытливо глянул на него и тут же отвел глаза, благодушно попыхивая трубкой.

– Да, того самого, где твой новый друг, славный разведчик Кожевников, долечивается. Кстати, как он там?

Дмитрий настороженно посмотрел на дядю. Догадался он, что ли, о мысли, промелькнувшей у Мити? Или сам подсказывает племяннику ход? С него станется... Но у Викентия Павловича был такой простодушный вид, и дымовые колечки так красиво улетали к потолку, что молодой человек сам одернул себя: глупости, ничего такого дядя в виду не имеет. Но ему самому уже не давала покоя пришедшая в голову идея.

4

Дмитрий прошел в ворота кованой ограды городской больницы, но подниматься в палату не стал. Раненые в пижамах курили на крыльце, сидели на скамейках, прогуливались в небольшом садике. Кожевников должен был быть где-то здесь, среди выздоравливающих. Дмитрий быстро нашел его – в веселой компании играющих в карты парней. Увидев приятеля, тот обрадовался, затушил папироску и поспешил навстречу.

Они ушли в сторону и сели прямо на траву под яблоней, спасаясь от солнца. Николай расстегнул куртку – мощную мускулистую грудь пересекал красный, едва затянувшийся шрам, вызвавший у Мити дрожь. Но сам Коля был счастлив: вчера ему сняли повязки и пообещали скоро выписать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.